

В.П. Шахеров*

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕР ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКАdoi:10.31518/2618-9100-2026-4-3
УДК 94:332(571.53)"17/18"*Выходные данные для цитирования:**Шахеров В.П. Организация мер продовольственной безопасности в Иркутской губернии конца XVIII – первой половины XIX века // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 52–64. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-03.pdf>*

V.P. Shakherov*

FOOD SECURITY MEASURES IN THE IRKUTSK PROVINCE
IN THE LATE 18TH AND THE FIRST HALF
OF THE 19TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-3

*How to cite:**Shakherov V.P. Food Security Measures in the Irkutsk Province in the Late 18th and the First Half of the 19th Century // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 52–64. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-03.pdf>]*

Abstract. The article examines the agricultural development in the Irkutsk province in the late 18th and early 19th centuries in the context of the formation of a food security system. The article attempts to show the state and direction of government policies aimed at expanding the area of cultivated land and filling the region's food market. It is established that administrative measures, primarily aimed at ensuring the interests of the state, as well as various forms of incentives, played a significant role in expanding the area of cultivated land and increasing the marketability of grain products. It has been shown that the resettlement from central Russia and exile, the promotion of agriculture among the indigenous population, primarily the Buryats, support for the expansion of crops, including potatoes, and the restriction of private entrepreneurship and food speculation contributed to the growth of the agricultural sector in the region, despite the harsh weather conditions, poor soil quality, lack of roads, crop failures, and famine. At the same time, administrative pressure, abuse, taxes, and duties hindered the growth of peasant farming and the free food market. It was concluded that despite the objective reasons for the growth of the peasant population and its involvement in market relations, government measures to support the farming of the Russian and Buryat populations contributed to its development and stabilization of food security.

Keywords: agriculture, peasantry, food security, Buryat farming, grain market, bread stores, subsidiary crafts, Irkutsk Province.

The article has been received by the editor on 19.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрено развитие земледелия в Иркутской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. в контексте формирования системы продовольственной безопасности. Предпринята попытка показать состояние и направления правительственной политики по расширению посевных площадей и наполнению продовольственного рынка региона. Установлено, что меры административного воздействия, обеспечивая прежде всего интересы государства, наряду с разнообразными формами поощрения играли определенную роль в расширении посевных площадей и росте

* **Вадим Петрович Шахеров**, доктор исторических наук, профессор, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: wodalis@yandex.ru

Vadim Petrovich Shakherov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: wodalis@yandex.ru

товарности хлебной продукции. Показано, что переселение из европейской части России и ссылка, поощрение земледелия у коренного населения, прежде всего у бурят, поддержка расширения посевных культур, в том числе картофеля, ограничение частного предпринимательства и спекуляций продуктами питания содействовали росту аграрного сектора в регионе в условиях резких колебаний погоды, некачественных почв, бездорожья, неурожаяев и голода. В то же время административное давление, злоупотребления, налоги и повинности сдерживали рост крестьянского хлебопашества и свободного продовольственного рынка. Сделаны выводы, что, несмотря на объективные причины роста крестьянского населения и его вовлечения в рыночные отношения, государственные меры поддержки земледелия способствовали его развитию и стабилизации продовольственной безопасности.

Ключевые слова: земледелие, крестьянство, продовольственная безопасность, бурятское хлебопашество, хлебный рынок, хлебозапасные магазины, подсобные промыслы, Иркутская губерния.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025 г.

Вопросы продовольственной безопасности и организации мер по ее обеспечению относительно недавно получили признание в сибирской историографии. При этом для ряда сибирских регионов, в том числе Иркутской губернии, занимавшей огромное пространство от Енисея до Тихого океана, они не поднимались даже в постановочном плане и остаются мало исследованы. В настоящей статье предпринята попытка показать состояние и направления правительственной политики по расширению посевных площадей и наполнению продовольственного рынка региона в конце XVIII – первой половине XIX в. Изучение этих процессов позволяет выделить в качестве главной цели статьи усилия региональной власти по поиску различных мер формирования продовольственной безопасности края.

Надо сказать, что история сельскохозяйственного освоения Иркутской губернии в связи с ее заселением достаточно полно рассматривалась в региональной историографии. Различные аспекты формирования аграрного хозяйства и обеспечения населения продовольствием не раз поднимались в советский период, в первую очередь в трудах В.Н. Шерстобоева, В.А. Александрова, В.И. Шункова, Г.Ф. Быкони, в коллективной монографии о крестьянстве Сибири¹. В последние десятилетия изучение этих проблем в Восточной Сибири заметно снизилось. Можно отметить лишь обстоятельное документальное исследование Б.Г. Красноштанова о ленской пашне². Некоторые наблюдения и обобщение материала представлены также в небольшом исследовании автора данной статьи об экономическом развитии Верхней Лены и в написанных им разделах по заселению и хозяйственному освоению региона в новейшем четырехтомном издании по истории Иркутской губернии³. Нельзя не отметить и возросший интерес к изучению земледелия у прибайкальских и забайкальских бурят, выразившийся в появлении ряда диссертационных работ и коллективной монографии по истории Усть-Ордынского Бурятского округа, в которой были обобщены результаты исследований последних десятилетий⁴.

¹ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. I: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1957. Т. II: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века; Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956; Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

² Красноштанов Г.Б. На Ленских пашнях в XVII веке: документальное повествование. Ч. 1–3. М., 2012–2013.

³ Шахеров В.П. Социально-экономическое развитие Верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск, 2000; История Иркутской губернии в 4 т. Иркутск, 2024. Т. 1. С. 245–265.

⁴ Батуева И.Б. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2000; Михайлов В.А. Земледелие западных бурят в XVII – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000; История Усть-Ордынского Бурятского округа. Иркутск, 2024.

Источниковая база исследования достаточно разнообразна по материалам, включая статистические данные, отчеты и обзоры по сибирским губерниям. В процессе подготовки статьи были использованы неопубликованные документы из архивов Иркутска, Улан-Удэ, Читы, а также документы I и II Сибирских комитетов, хранящиеся в РГИА. К сожалению, можно отметить практически полное отсутствие работ, посвященных анализу этого документального комплекса. Кроме того, до настоящего времени не появилось ни одного сборника документов, отражающих проблемы хозяйственного развития сибирских регионов и правительственную политику в формировании мер продовольственной безопасности.

Развитие сибирской пашни в конце XVII – XVIII вв. заложило крепкие земледельческие традиции в Прибайкалье. Илимский и Верхоленинский земледельческие районы превратились в основную базу снабжения всего северо-востока Сибири, где в силу вечной мерзлоты хлебопашество было невозможным. Динамично развивалось земледелие в Иркутском и Нижнеудинском уездах, обеспечивавшее хлебом не только свои территории, но и все Забайкалье. В начале XIX в. быстрыми темпами растет земледельческое освоение долины Селенги. Крестьянское освоение края становится определяющим в развитии экономики Восточной Сибири. К середине XIX в. в Прибайкалье числилось до 79 тыс. крестьян мужского пола, а общая площадь пашни достигала 500 тыс. десятин⁵. После отмены десятинной пашни и перевода крестьян на денежное обложение начинает постепенно формироваться региональный хлебный рынок. Крестьяне получили большую свободу в развитии своего хозяйства и продажи излишков в казну, на городской рынок или в отдаленные бесхлебные районы.

При этом следует отметить, что в силу особенностей сибирского климата и недостатка пригодных для земледелия почв урожайность была довольно низкая, особенно в северных волостях, и сильно колебалась по годам. Сибирь всегда была зоной рискованного земледелия, вынуждая население и власти применять различные возможности для стабилизации хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности. Серьезные падения урожая хлеба и кормов вследствие засухи наблюдались в 1800–1802, 1810–1811 гг. Особенно тяжелыми выдались неурожайные годы начала века, когда, чтобы избежать голода, хлеб пришлось закупать в Красноярском округе. Кроме того, из-за недостатка сырья были остановлены винокуренные заводы, а подряды на доставку вина из Тобольска взял на себя иркутский купец Н.Т. Баснин⁶. Сильные неурожаи случались даже в наиболее хлеботорговых районах. Один из агентов М.М. Булдакова, первенствующего директора Российско-американской компании, сообщал ему в марте 1813 г. о чрезвычайной дороговизне хлеба и конского корма в Сибири из-за неурожая в Красноярском и Нижнеудинском округах. Он отмечал, что цены на хлеб повысились в несколько раз, и считал, что к лету «дороговизна в провозах и припасах возвысится до совершенной крайности»⁷.

Неурожайные годы не только приводили к голоду населения, но и серьезно осложняли положение казны, заставляя губернские власти заниматься вопросами продовольственной безопасности. К их числу относились меры по созданию хлебных запасов, переселенческая политика и расширение посевных площадей, приобщение к земледелию коренного населения, попытки административного регулирования продовольственного рынка и казенных закупок. К середине века административное вмешательство принесло некоторые результаты и привело к стабилизации урожаев в основных земледельческих районах края.

Одной из мер по обеспечению в селениях хлебных запасов стало создание хлебозапасных магазинов. Они начали появляться в русских селениях во второй половине XVIII в., но широкое распространение получили в губернии только после принятия в 1799 г. «Положения о сельских запасных магазейнах»⁸. Цель их создания – «доставление пособий жителям в случае непредвиденных несчастий», т.е. они стали местом хранения страхового

⁵ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 220.

⁶ Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1911. С. 177.

⁷ Эпистолярное наследие устюжской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века. Вологда, 2018. С. 228.

⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 25. № 19203. С. 895–899.

крестьянского семенного фонда на случай стихийных бедствий и неурожая. Официальные данные за 1840 год засвидетельствовали, что запасные магазины, из которых крестьяне получали зерно на посевы, были устроены «в каждом мирском обществе». Всего в губернии насчитывалось до 564 магазинов, в которых на хранении находилось 2,7 млн пудов зерна⁹.

В целом в Иркутской губернии сложилось устойчивое земледельческое хозяйство. На первом месте по развитию земледелия находился Иркутский уезд, хлеб из которого вывозился в соседние уезды и на север. Следующим был Верхнеудинский уезд, снабжавший хлебом Нерчинский округ и обеспечивавший кяхтинский мелочный торг с Монголией. Далее по степени распространения хлебопашества следовали Нижнеудинский, Нерчинский и Киренский уезды. В целом в Иркутской губернии за первую половину XIX в. посевная площадь увеличилась почти в три раза. Соответственно вырос и сбор зерновых.

Стремясь быстро заселить восточные окраины Сибири, правительство неоднократно применяло меры административного характера. Одним из успешных с точки зрения развития землепашества стало переселение в Забайкалье старообрядцев с границ Западной Белоруссии, получивших название «семейских» из-за того, что переселялись целыми семьями и образовывали свои поселения. В 1768 г. около 2,7 тыс. «семейских» было расселено в Селенгинском ведомстве. Всего к концу XVIII в. в Забайкалье их насчитывалось до 4,5 тыс. обоего пола, а к середине XIX в. их численность увеличилась более чем в 4 раза¹⁰. Ареол их расселения включал четыре волости Верхнеудинского уезда: Куналейскую, Мухоршибирскую, Торбагатайскую и Урлукскую. Для начального обзаведения каждой семье были выданы лошадь, корова, сошник и другие инструменты, а также семена для посевов. Спустя десяток лет старообрядцы прижились к местным природным условиям, стали получать хорошие урожаи и обзавелись «домашнею экономией и домовым строительством». Они не только полностью обеспечивали себя хлебом, но начали поставлять его для регулярных войск, на Петровский железоделательный завод и в другие места. В 1808 г. иркутский гражданский губернатор Н.И. Трескин в своем «Положении о распространении хлебопашества в Иркутской губернии» с удивительной для казенного документа эмоциональностью отмечал их редкое трудолюбие и прилежание. Как писал губернатор, «ныне у них лучшие пашни, и их хлебопашество составляет им не токмо изобильное содержание, но есть главнейшая подпора Верхнеудинского и Нерчинского уездов»¹¹.

Надо сказать, что далеко не всегда правительственная политика переселения была столь успешна для земледельческого освоения края. В самом конце XVIII в. была предпринята одна из крупнейших административных акций по заселению Восточной Сибири. По указу 1799 г. предусматривалось расселить в Прибайкалье и Забайкалье до 10 тыс. человек из отставных солдат, ссыльнопоселенцев и помещичьих крестьян, сосланных в зачет рекрутов. Итоги массового переселения к Байкалу не способствовали успешному развитию земледелия. Всего в южных уездах Иркутской губернии было создано 65 новых поселений, в которых числилось около 14 тыс. человек (с женщинами и детьми)¹². В дальнейшем поселенцы новых селений не образовывали, а причислялись к старожильческим поселениям. Среди переселенных оказалось более 5 тыс. человек так называемых «вольнопропитанных», к которым относили престарелых, увечных и больных людей¹³.

Еще одним источником пополнения крестьянского населения были ссыльные, численность которых постоянно росла. Если в 1795 г. в регионе находилось около 6,6 тыс. ссыльнопоселенцев, то спустя три десятилетия их было уже более 31 тыс. человек. Определенные на поселение в старожильческие деревни, далеко не все из них готовы были заняться сельским хозяйством, многие бежали с мест водворения. Так, из сосланных в Сибирь в 1820–1850-х годах не более половины оставалось в местах водворения, остальные находи-

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1265. Оп. 1. Д. 67. Л. 37.

¹⁰ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XIX вв. Новосибирск, 1994. С. 61.

¹¹ Гирченко В. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск, 1922. С. 14.

¹² РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 310.

¹³ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 481. Л. 6 об.–7.

лись в бегах¹⁴. Те, кто оставался, не сразу могли обзавестись собственным хозяйством. Чаще всего они вынуждены были наниматься в работники к зажиточным крестьянам. Например, в 1841 г. из 7,5 тыс. ссыльных только 194 человека сумели сразу же начать собственное дело.

Следует сказать, что земледелием занимались не только крестьяне. В качестве подсобного хозяйства оно существовало у казаков, духовенства и даже у городских мещан и купечества. Но наиболее заметным для расширения посевных площадей и развития земледелия стали усилия государства по привлечению к этой отрасли бурятских хозяйств. Переход бурят к земледельческим занятиям был следствием тесного взаимодействия с сибирским крестьянским населением, но растянулся по времени не только в рамках одного уезда, но и внутри отдельных ведомств, родов и улусов. Первыми стали переходить к земледелию буряты, живущие по Ангаре и ее притокам. К 1792 г. у балаганских бурят под посевами было уже до 3 387 десятин¹⁵. Заметные успехи в земледелии наблюдались и в соседних ведомствах – Идинском, Аларском, Кудинском. В начале 1770-х годов в окрестностях Иркутска и на Ангаре посевы имелись примерно в каждом четвертом хозяйстве бурят. В первой половине XIX в. по темпам роста посевных площадей западные буряты почти не отставали от русского населения. В 1849 г. на их долю приходилось до трети всех посевов Иркутской губернии¹⁶. Успехи хлебопашества у западных бурят даже породили некоторые иллюзии в отношении других народов края. С 1760 г. делались попытки приохотить к земледелию эвенков «по примеру Иркутского и Балаганского ведомства брацких, которые-де имеют у себя довольные пашни и многое число хлеба привозят в Иркутск и продают и тем ясак платят и на прочие свои потребности употребляют»¹⁷. Однако приспособить пахать пашни таежных бродячих жителей было трудно. Так, из эвенков Нижнеилимской инородческой волости в 1832 г. только 19 человек перешли к земледельческим занятиям, но и у них под пашней было всего 13 десятин земли¹⁸.

Привлечение бурятского населения Прибайкалья к земледельческим занятиям было вызвано недостаточным количеством пастбищ для скотоводческого хозяйства и необходимостью получения дополнительных ресурсов. Кроме того, развитие регионального рынка и спрос на зерновую продукцию и корма также стимулировали вовлеченность бурят в новые формы хозяйственной деятельности. Наиболее активно в развитии земледелия участвовала верхушка бурятского общества, имевшая значительное количество скота и материальных ресурсов. Нельзя не отметить усилия губернских властей в развитии хлебопашества у бурятского населения. Для содействия развитию земледельческих занятий среди бурят еще в 1780-х годах в Иркутске была создана должность экономии-директора. Тогда же иркутская губернская канцелярия разослала всем бурятским родовым начальникам предписание, в котором указывала на необходимость содействовать развитию пашни у подведомственных им инородцев «сколько возможно советами и благоразумными увещеваниями». В 1802 г. кудинскому тайше было предписано не просто содействовать хлебопашеству у местных бурят, а строго контролировать, чтобы «ни один в улусах <...> без работы не оставался». Тогда же старейшины родов Кудинского ведомства дали подписку «год от года умножать земледелие»¹⁹.

Кроме административных мер, власти на местах старались оказывать и материальную поддержку орудиями труда и семенами. Так, земледелие у хоринских бурят в Забайкалье началось только в конце XVIII в. и было связано со многими трудностями. По просьбе их главного тайши Дамбы Дугара Иринчеева снабдить за счет казны всем необходимым для

¹⁴ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1834. Т. 2. С. 67.

¹⁵ История Усть-Ордынского Бурятского округа... С. 129.

¹⁶ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 21.

¹⁷ Зандараев Б.Б. Развитие земледельческого хозяйства у бурят в XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 7. С. 3.

¹⁸ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1008. Л. 61.

¹⁹ История Усть-Ордынского Бурятского округа... С. 129–130.

возделывания пашни Сенат выделил субсидию «на первый случай» в 20 тыс. руб.²⁰ Иринчиев приложил значительные усилия для развития земледелия у своих сородичей, за что был в 1804 г. награжден «золотой медалью, украшенной бриллиантами для ношения на голубой ленте»²¹. К 1837 г. посевная площадь у хоринцев достигла 21 800 десятин. Земледелие стало проникать даже к агинцам, хотя земли для пашни были мало пригодны. В 1840-х годах посевные площади здесь составляли всего 240 десятин. Сажали одну яровую пшеницу, которая шла для собственного пропитания и на посев²².

Заметную поддержку бурятскому земледелию оказывал гражданский губернатор Н.И. Трескин. Определенную роль сыграло его «Положение о распространении хлебопашества в Иркутской губернии». С одной стороны, в нем были отмечены успехи развития земледелия у бурят, с другой – прописывались меры для его дальнейшего развития. Так, бурятам Иркутского уезда предписывалось засеивать не менее одной десятины, а Нижнеудинского, «как менее привыкшим к земледелию», – по полдесятины на ревизскую душу²³. Последовательная политика местных властей на поддержание земледелия у бурят в виде организации хлебозапасных магазинов, оказания помощи семенами и кормами привела к увеличению темпов его развития. Так, если в 1827 г. иркутские буряты засеивали 30,7 тыс. десятин, то через четверть века, в 1851 г., уже 111,7 десятин, т.е. почти в 4 раза больше²⁴. Успехи в развитии бурятского земледелия отмечал в 1851 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, писавший, что «первые ученики Трескина» идинские, аларские и балаганские буряты превзошли по успехам хлебопашества даже русские волости и под их влиянием начинают переходить к хлебопашеству их кудинские, ленские и верхоленские сородичи. В целом, по его мнению, частые падежи скота и рекомендации местных властей приучили «инородцев» создавать запасы кормов на зиму²⁵. Таким образом, в середине XIX в. земледелие стало играть ведущую роль в хозяйстве бурят Иркутской губернии, особенно тех ведомств, хозяйства которых тесно соприкасались с пашнями русских крестьян. За успехи в земледелии многие бурятские родоначальники были награждены медалями и похвальными листами на первой иркутской сельскохозяйственной и мануфактурно-ремесленной выставке в октябре 1868 г.²⁶ Признавая важность административного принуждения и поддержку бурятских хозяйств, следует учитывать, что бурятское земледелие в первую очередь было вызвано процессами экономического развития губернии и переходом части коренного населения к оседлому образу жизни.

Успехи земледелия и развитие рыночных отношений содействовали заметному социальному расслоению крестьянства, особенно в пригородных и притрактовых селах. Наряду с хозяйствами, имевшими до 40 и более десятин пашни, много было и таких, которые «пашут едва столько, сколько на их пропитание потребно»²⁷. В 1819 г. все сельское население Сибири было разделено на четыре разряда: «самые богатые», «достаточные», «посредственные» и «совсем неимущие». В 1823 г. в Иркутской губернии в первую группу входило всего 255, во вторую – 20 536, в третью – 20 590, в четвертую – 17 014 чел.²⁸ Таким образом, основными фигурами на селе выступали середняки, составлявшие до 70 % всего крестьянства.

В 1800 г. в связи с неурожаем и недостатком хлеба в Иркутске провели обследование притрактовых селений Иркутского и Верхоленского уездов. Всего были получены данные по 44 населенным пунктам, в которых 418 хозяйств имели излишки хлеба и продавали его. Из числа выявленных почти половина – 202 хозяйства (48,3 %) – имела наемных работников.

²⁰ История Усть-Ордынского Бурятского округа... С. 130.

²¹ РГИА. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 256. Л. 7 об.

²² Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3462. Л. 24.

²³ История Усть-Ордынского Бурятского округа... С. 132.

²⁴ Курышов А.М. Культура земледелия у западных бурят: факторы распространения и их значимость // Историко-экономические исследования. 2014. № 3. С. 574.

²⁵ Там же. С. 579.

²⁶ История Усть-Ордынского Бурятского округа... С. 140.

²⁷ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 106. Оп. 2. Д. 12. Л. 1 об.

²⁸ ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 3. Л. 796–797.

Всего в хозяйствах крестьян этих сел было задействовано 3396 домашних работников, 434 наемных работника, 3053 лошади²⁹. Ими было «объявлено к продаже» 96 282 пуда хлеба и уже продано перекупщикам 102 817 пудов, т.е. всего в этот неурожайный год было обнуждено почти 200 пудов разного хлеба, предназначенного на продажу³⁰. Некоторые из этих хозяйств по объемам посевной площади и масштабам деятельности вполне соответствовали мелкому предпринимательству. Так, у уриковского крестьянина Д. Малых насчитывалось 60 работников, в том числе 40 наемных, С. Ширяев нанимал 35, черемховский крестьянин С. Чернышев – 60 человек³¹. Среди крупнейших перекупщиков хлеба были не только иркутские купцы, но балаганские и ленские крестьяне. При этом они закупали хлеб не только у русских крестьян, но и у бурят Идинского ведомства.

В результате роста перекупных операций резко сократилась свободная хлебная торговля в Иркутске. Если в конце XVIII в. на местный рынок привозилось от 200 до 400 возов с хлебом, то в первые десятилетия XIX в. подвоз его значительно упал, а цены выросли. Среди перекупщиков зерна были как иркутские купцы, так и зажиточные крестьяне подгородных сел. Отсутствие свободной продажи и рост цен не только затрудняли снабжение городского населения хлебом, но и создавали трудности для казенных закупок. В борьбе с хлебной монополией перекупщиков губернские власти пытались ограничивать частную торговлю хлебом, конфисковывая незаконно приобретенный хлеб. Властям проще было обвинить в повышении цен на хлеб и фураж перекупщиков из числа купцов и крестьян, чем признать свои ошибки и произвол в казенных закупках. Наиболее остро эта борьба развернулась при Н.И. Трескине, усилиями которого установился почти тотальный контроль за производством и продажей хлеба. Его деятельность по наведению порядка в организации хлебного производства и закупок была крайне противоречива. С одной стороны, он, борясь с произволом хлебных спекулянтов, изменил всю систему закупок хлеба в казну, предложив в 1807 г. предварительно закупать у крестьян хлеб в счет будущего урожая. Если вначале отношение крестьян к этой мере было настороженным, то вскоре в урожайные годы эта мера стала себя оправдывать. Подобными действиями ему удалось снизить цены на хлеб с 3 руб. до 1 руб. 60 коп³². Вместо ветхих хлебозапасных магазинов в Иркутске по распоряжению Н.И. Трескина были выстроены четыре новых деревянных амбара, вмещающих до 120 тыс. пудов. В период его правления заметно в лучшее состояние были приведены винокуренные заводы. Они были фактически изъяты из управления казенной экспедиции и находились под его личным контролем. В результате реконструкции заводов и наведения порядка с закупкой сырья и винными откупками они значительно увеличили производительность продукции и подняли доходность для казны в два с лишним раза – до 3,2 млн руб.³³

С другой стороны, жесткие административные меры сдерживали развитие внутренней торговли, ограничивая крестьянскую инициативу и предпринимательство. Пытаясь навести порядок в этой сфере, новая сибирская администрация в лице М.М. Сперанского издала в 1819 г. «Предварительные правила о свободе внутренней торговли» для всех слоев сибирского населения, которые состояли из 16 пунктов и определяли отношения между органами местного управления и торговцами, устанавливали запреты на наложение дополнительных пошлин в городах и уездах, разрешали свободное перемещение товаров из одного уезда в другой³⁴. Экономический либерализм М.М. Сперанского сыграл важную роль в преобразовании управления Сибирью, существенно улучшив его структуру, снизив произвол и злоупотребления местных властей, определив объем и сферу компетенции администраций разного уровня.

²⁹ ГАИО. Ф. 70. Оп. 10. Д. 379. Л. 18–26.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Гаращенко А.Н. Трескин и Цейдлер – иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX в. Иркутск, 2014. С. 54–55.

³³ Там же. С. 61.

³⁴ Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. Т. 1. С. 322.

Хотя состояние крестьянского скотоводства в данной статье не затрагивается, нельзя не отметить достаточно высокий уровень обеспеченности хозяйств лошадьми и крупным рогатым скотом. На размеры крестьянского стада влияли огромные расстояния, недостаток сенокосных угодий, тяжелые условия обработки пашни, большой износ скота и частая его гибель от неурожая, стихийных бедствий, болезней. В то же время в связи с развитием бурятского скотоводства в губернии сформировался значительный рынок и особых проблем с пополнением крестьянского стада не наблюдалось, а среди крестьян встречались и обладатели крупных стад.

Значительное число лошадей, которое имели некоторые крестьяне, говорит не только о росте посевных площадей, но и об участии их владельцев в отхожих промыслах. Некоторые из наиболее состоятельных брали подряды по доставке казенных грузов в различные уголки губернии. Так, уриковские крестьяне Д. Малых и С. Ширяев подрядились с 1789 г. поставлять хлебное вино в Нерчинский округ и на казенные заводы. Весь подряд составлял 583 бочки на общую сумму в 17,3 тыс. руб.³⁵ Для более успешного выполнения подряда они даже приобрели парусное судно на Байкале. В различных подрядах и поставках казенных кладей участвовали и другие зажиточные крестьяне. В 1825 г., например, подряды на перевозку казенного вина находились в руках оекских крестьян С. Новоселова и Л. Позднякова³⁶. В то же время значительная часть крестьян все более беднела и превращалась в наемных работников. В 1830-х годах в различных работах и промыслах принимали участие 13 797 крестьян Иркутской губернии, еще 5196 человек занимались извозом³⁷.

Немаловажным в изучении истории развития системы продовольственной безопасности региона является вопрос о вывозе хлеба и другого продовольствия за границу. С одной стороны, этот экспорт – важный показатель развития зернового производства, с другой – в условиях неурожая он выступал серьезным фактором ухудшения снабжения населения. Существование пограничного торгового дела вдоль всей границы с Китаем заметно влияло на объемы вывоза продукции земледелия и скотоводства населения Забайкалья. Основные промены мелочной продукции проходили через Кяхту. Размеры ее во многом зависели от урожаев хлеба и необходимости использовать его и различный скот для казенных нужд. Местные власти, исходя из ситуации, неоднократно ограничивали продовольственные поставки за границу. Так, в связи с неурожаями 1801–1802 гг. губернская власть, испытывая серьезные трудности в закупках и снабжении населения продуктами питания, практически полностью запретила промены хлеба и скота за границу³⁸. В 1811 г. Н.И. Трескин запретил промен рогатого скота из-за резкого повышения цен на говядину в губернии. В том же году была приостановлена продажа хлеба. В 1813 г. из-за неурожая хлеба в Забайкалье было разрешено отпускать за границу не более 200 пудов хлеба в месяц³⁹. Заметный рост объемов продаж хлеба начался только с 1820-х годов, когда вывоз масла вырос в десятки раз, хлеба – в 4 раза, птицы и яиц (в штуках) – более чем в 2 раза. В 1827 г. вся продажа хлеба и масла достигла 105 472 руб. Другие статьи мелочной торговли дали еще около 163 тыс. руб. Таким образом, весь оборот мелочной торговли составил 268 472 руб.⁴⁰

В 1832 г. Иркутский губернский совет просил увеличить объемы промена в Кяхте почти в 2 раза – до 313 тыс. руб., считая, что эта мера послужит стимулом для развития хозяйства и повысит уровень жизни населения Забайкальского края. Не было поддержано только ходатайство начальника Верхнеудинского округа о дозволении местным крестьянам променивать хлеб за границу. Из-за опасения осложнения снабжения продовольствием

³⁵ ГАЗК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 14а. Л. 95–95 об.

³⁶ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1966. Л. 130.

³⁷ РГИА. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 521. Л. 104 об.; Д. 531. Л. 180; Д. 543.

³⁸ Шахеров В.П. Кяхтинская мелочная торговля второй половины XVIII – начала XIX вв. как фактор расширения трансграничных торговых связей // Российско-китайские исследования. 2025. № 2. С. 132.

³⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 607. Л. 127.

⁴⁰ Там же. Л. 5.

жителей Иркутской губернии и в заготовке казенных запасов им было предложено сбывать излишки хлеба в казенные провиантские магазины, а также в Иркутский округ⁴¹.

В результате этих мер, а также в целом роста земледелия и скотоводства в Забайкалье, мелочная продажа продуктов питания заметно выросла. В 1827 г. разного хлеба за границу было отпущено по данным таможи более чем на 60 тыс. пудов. Постановлением министра финансов от 29 апреля 1833 г. были сняты все ограничения для местных жителей на экспорт съестных припасов за исключением мерлушки, которая наряду с пушниной составляла важную статью оптовой торговли. В 1837 г. по мелочной и оптовой торговле было вывезено за границу до 337 пудов разной муки и зерна⁴².

Важной частью рациона сибирского жителя было овощеводство. Как правило, овощи выращивались для собственного потребления, но в крупных селах, расположенных по основным трактам и рекам, а также на городских окраинах, разведение овощей имело товарный характер. Как правило, овощная продукция поставлялась на городские рынки. Например, мещане Илимска и Киренска небольшие партии овощей отправляли даже в Якутск. Необходимо отметить, что практически все города края имели сельский вид, так как многие из городских жителей имели рядом с городом пашни и огороды, держали скот и домашнюю птицу. Не только городские окраины и предместья, но даже центральные части городов были связаны с сельскохозяйственным производством не только для собственного пропитания, но и на продажу на местных рынках.

Необходимо отметить усилия правительства по внедрению в Сибири картофеля. С 1760-х годов производились первые опыты его посадки, когда по инициативе медицинской коллегии в губернии высылались пакеты с «земляными яблоками» для раздачи всем желающим. Так, в 1768 г. Илимская воеводская канцелярия отправила во все волости семенной картофель для первых опытов, а в 1815 г. в Киренском уезде было посажено уже 2,7 тыс. пудов картофеля в 6 тыс. грядках. В 1812 г. вышел указ о повсеместном разведении этой культуры. Картофель, считало правительство, мог заменить в неурожайные годы хлебные посевы и составить «здоровую и питательную пищу для населения». Однако распространение новой культуры шло медленно⁴³.

Несмотря на заметные успехи в развитии земледелия, необходимо признать, что оно не могло обеспечить потребности даже сельского населения, вынуждая его заниматься различными промыслами, в первую очередь добывающего характера. Это позволяло значительно пополнить рацион питания, а некоторые из промыслов, связанные с рынком, доставляли средства для оплаты налогов и приобретение необходимых вещей. Среди них можно назвать рыболовство и охоту, добычу пушного зверя, заготовку и первичную переработку древесины, сбор грибов, ягод и других дикоросов, обслуживание речного судоходства и перевозку казенных и частных грузов.

Широко распространенным подсобным промыслом, служившим важным дополнительным продовольственным ресурсом для населения особенно в неурожайные годы, стало рыболовство. Рыба потреблялась в свежем виде, но в еще больших объемах ее солили и таким образом хранили всю зиму. Она была важнейшей частью рациона сибиряка, отчасти заменяя мясо во время нестрогих православных постов. На территории губернии было много озер, больших и малых рек с богатыми рыбными ресурсами. Особенно развито было рыболовство на крупнейших реках Ангаре, Селенге и Лене, где им занималось большинство крестьянских дворов. Гласным промысловым ресурсом края было озеро Байкал, в котором добывалось в год более трети всего сибирского улова рыбы.

Об изобилии рыбы на Байкале, прежде всего омуля, писали многие современники. Так, С.П. Крашенинников отмечал, что «сею рыбою не только живущие по Селенге реке по целому году довольствуются, но ради излишнего довольствия в Иркутск соленую уже

⁴¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 607. Л. 15–15 об.

⁴² О Кяхтинской меновой торговле // Журнал мануфактур и торговли. СПб., 1839. Ч. 1. С. 332.

⁴³ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2. С. 366.

бочками привозят»⁴⁴. Очень рано байкальское рыболовство приобрело товарный характер. Уже в XVIII в., кроме рыболовства прибрежного населения и участков, выделенных в аренду монастырям, появилось несколько артелей, имевших парусные суда, десятки неводов и сотни работников⁴⁵. Наиболее крупными, организованными иркутскими купцами, были Култукская, Каргинская, Березовская, Сухинская, Ольхонская, названные так по местам основного лова. Основным местом сбыта заготовленной соленой рыбы был Иркутск и ярмарка в селе Чертовкино на Селенге. В период массового промысла омуля в ней собиралось до 2,5 тыс. человек, а обороты достигали нескольких сот тысяч рублей⁴⁶. Отсюда продукция развозилась по всему региону. По сведениям А. Курбатова, доходы от продажи рыбы достигали почти 600 тыс. руб.⁴⁷

Монополизация байкальских промыслов крупным капиталом приводила к вытеснению мелких рыбопромышленников с промыслов и ограничила их объемы только собственным потреблением. К примеру, в 1840-х годах крестьяне Ильинской волости получали от рыбной ловли не более 8,5 тыс. руб. серебром, что составляло всего около 15 % от всей суммы их неземледельческих доходов⁴⁸. Во второй половине XIX в. после образования в Иркутске «Товарищества рыбодобычи на Байкале» практически все основные рыболовные участки, кроме Селенги, попали под его контроль. В результате большинство мелких рыбопромышленников, как они сами отмечали, либо должны были «примкнуть к этой компании на каких угодно ей условиях и тогда почти всякая конкуренция в этом деле исчезнет, или прекратить свой промысел»⁴⁹.

Одним из последствий монополизации байкальских промыслов стало хищническое освоение рыбных ресурсов, в результате чего уже к 1840-м годам заметно сократилась добыча рыбы в южных районах озера и на Селенге. Основной промысел переместился в отдаленные и безлюдные северные и северо-восточные районы озера. Организовать и завезти в эти районы работников, тару и соль могли только крупные рыбопромышленники. Сокращение рыбных запасов в наиболее заселенных районах озера приводило к ухудшению положения местных крестьян и сокращению сбора с них податей. Власти были обеспокоены сложившейся ситуацией и пытались снизить ее последствия. Еще в 1816 г. верхнеудинским исправником М.М. Гедельштромом было издано «Положение об омулевом промысле в реке Селенге», регулировавшее порядок составления промысловых артелей и устройство рыболовных снарядов. Кроме того, этим и последующим документом запрещался вылов рыбы во время нереста в устьях рек, впадающих в озеро⁵⁰. Однако правила эти носили региональный характер и не могли изменить ситуацию на озере. И.В. Курышова, проанализировав попытки правового регулирования байкальской рыбопромышленности в дореволюционный период, вынуждена была признать, что они противоречивы, малоэффективны и не смогли предотвратить снижение количества промысловой рыбы⁵¹.

Подводя итоги, отметим, что уже в конце XVIII – первой половине XIX в. земледелие в Иркутской губернии стало ведущей отраслью хозяйства, покрывая не только потребности населения, но и формируя рынок сбыта за счет неземледельческих районов, казенных закупок и постоянно расширявшейся городской торговли. В то же время сложные условия земледелия, качество пахотной земли, резкие колебания погоды приводили к частым неурожаям, повышению цен на продовольствие и даже голоду. В этих условиях власти пытались стабилизировать аграрный сектор и снизить негативные последствия для населения края.

⁴⁴ С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. Л., 1966. С. 82.

⁴⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 183. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–1 об.

⁴⁶ ГАИО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 242. Л. 14.

⁴⁷ Курбатов А. Статистические сведения о лесной и рыбной промышленности Верхнеудинского округа // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841. С. 41.

⁴⁸ РГИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–1 об.

⁴⁹ Цит. по: Шахеров В. П. «Тащат купцы омулевые бочки...» (Из истории рыбопромышленности на Байкале) // Былое. 1995. № 11. С. 8–9.

⁵⁰ ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3065. Л. 40.

⁵¹ Курышова И.В. Правовое регулирование рыбного промысла в Байкальском регионе во второй половине XIX – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2007. № 3. С. 147.

В рамках обеспечения продовольственной безопасности использовались как меры административного воздействия, так и разнообразные формы поощрения. Определенную роль в развитии земледелия сыграло переселение из центральных районов России и ссылка, приобщение к хлебопашеству коренного населения, поддержка расширения посевных культур, в том числе картофеля, ограничение частного предпринимательства и спекуляций продуктами питания. При этом усиление административного воздействия и злоупотребления местного чиновничества сдерживали развитие свободного продовольственного рынка.

Литература

- Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М.: Наука, 1964. 302 с.
- Батуева И.Б. История развития хозяйства западных бурят в XIX веке: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2000. 378 с.
- Болонев Ф.Ф. Земледелие – основа экономического благосостояния семейских крестьян // Историко-экономические исследования. 2010. Т. 11, № 2. С. 16–27.
- Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. 248 с.
- Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб.: Тип. Второго отделения собств. е. и. канцелярии, 1872. Т. 1. 801 с.
- Гаращенко А.Н. Трескин и Цейдлер – иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX в. Иркутск: Оттиск, 2014. 400 с.
- Гирченко В.П. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск: Книгоиздательство объединенного прибайкальского союза кооператоров, 1922. 20 с.
- Зандараев Б.Б. Развитие землепашенного хозяйства у бурят в XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 7. С. 3–7.
- Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск: [б. и.], 1911. 423 с.
- История Иркутской губернии: в 4 т. / под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2024. Т. 1. 608 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. А.П. Окладников и В.И. Шунков. Л.: Наука, 1968. Т. 2. 538 с.
- История Усть-Ордынского Бурятского округа / под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2024. 620 с.
- Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке: документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2012. Ч. 1. 887 с.
- Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке: документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2012. Ч. 2. М., 2013. 1003 с.
- Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке: документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2012. Ч. 3. М., 2013. 976 с.
- Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / гл. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука: Сиб. отд., 1982. 504 с.
- Курбатов А. Статистические сведения о лесной и рыбной промышленности Верхнеудинского округа // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841. С. 36–46.
- Курышов А.М. Культура земледелия у западных бурят: факторы распространения и их значимость // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15, № 3. С. 567–584.
- Курышова И.В. Правовое регулирование рыбного промысла в Байкальском регионе во второй половине XIX – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8, № 3. С. 147.
- Михайлов В.А. Земледелие западных бурят в XVII – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. С. 195.
- С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. Л.: Наука, 1966. 239 с.

Шахеров В.П. «Тащат купцы омулевые бочки...» (Из истории рыбопромышленности на Байкале) // Былое. 1995. № 11. С. 8–9.

Шахеров В.П. Социально-экономическое развитие Верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск: Оттиск, 2000. 88 с.

Шахеров В.П. Кяхтинская мелочная торговля второй половины XVIII – начала XIX вв. как фактор расширения трансграничных торговых связей // Российско-китайские исследования. 2025. Т. 9, № 2. С. 128–139.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1949. Т. I: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 596 с.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1957. Т. II: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. 674 с.

Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 432 с.

Эпистолярное наследие устюжской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века: тексты и исследования / под ред. Ф.Я. Коновалова. Вологда: Древности Севера, 2018. 412 с.

References

Aleksandrov, V.A. (1964). *Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v.* [Russian Population of Siberia in the 17th – Early 18th Century]. Moscow, Nauka. 302 p.

Batueva, I.B. (2000). *Istoriya razvitiya khozyaystva zapadnykh buryat v XIX veke* [The History of the Development of the Economy of Western Buryats in the 19th Century], Dr. hist. sci. diss. Irkutsk. 378 p.

Bolonev, F.F. (2010). Zemledelie – osnova ekonomicheskogo blagosostoyaniya semeyskikh krest'yan [Agriculture is the Basis of the Economic Well-Being of Family Peasants]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 11, No. 2, pp. 16–27.

Bykonya, G.F. (1981). *Zaselenie russkimi Prieniseyskogo kraya v XVIII v.* [Settlement of the Cis-Yenisey Region by the Russians in the 18th Century]. Novosibirsk, Nauka. 248 p.

Dameshek, L.M. (Ed.). (2024). *Istoriya Irkutskoy gubernii* [History of the Irkutsk Province]. Irkutsk, Izdatel'skiy dom BGU. Vol. 1. 608 p.

Dameshek, L.M. (Ed.). (2024). *Istoriya Ust'-Ordynskogo Buryatskogo okruga* [History of the Ust-Orda Buryat District]. Irkutsk, Izdatel'skiy dom BGU. 620 p.

Garashchenko, A.N. (2014). *Treskin i Tseydler – irkutskie grazhdanskoe gubernatory pervoy poloviny XIX v.* [Treskin and Zeidler: Civil Governors of Irkutsk in the First Half of the 19th Century]. Irkutsk, Ottisk. 400 p.

Girchenko, V.P. (1922). *Iz istorii pereseleniya v Priбайkal'e staroobryadtsev-semeyskikh* [From the History of Resettlement in the Baikal Region of Old Believers]. Verhneudinsk, Knigoizdatel'stvo ob'edinennogo pribaykal'skogo soyuza kooperatorov. 20 p.

Konovalov, F.Ya. (Ed.). (2018). *Epistolyarnoe nasledie ustyuzhskoy kupecheskoy sem'i Buldakovykh kontsa XVIII – pervoy chetverti XIX v.* [Epistolary Heritage of the Ustyug Merchant Family of the Buldakovs of the Late 18th – First Quarter of the 19th Century]. Vologda, Drevnosti Severa. 412 p.

Krasnoshtanov, G.B. (2012). *Na lenskikh pashnyakh v XVII veke* [On Lena Arable Land in the 17th Century]. Moscow, Drevlekhraishche. Part 1. 887 p.

Krasnoshtanov, G.B. (2013). *Na lenskikh pashnyakh v XVII veke* [On Lena Arable Land in the 17th Century]. Moscow, Drevlekhraishche. Part 2. 1003 p.

Krasnoshtanov, G.B. (2013). *Na lenskikh pashnyakh v XVII veke* [On Lena Arable Land in the 17th Century]. Moscow, Drevlekhraishche. Part 3. 976 p.

Kurbatov, A. (1841). Statisticheskie svedeniya o lesnoy i rybnoy promyshlennosti Verkhneudinskogo okruga [Statistical Information on the Forest and Fishing Industry of the Verkhneudinsky District]. In *Materialy dlya statistiki Rossiyskoy imperii*. St. Petersburg, pp. 36–46.

Kuryshov, A.M. (2014). Kul'tura zemledeliya u zapadnykh buryat: faktory rasprostraneniya i ih znachimost' [The Farming Culture of Western Buryats: Factors of Its Spread and Their Importance]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 15, No. 3, pp. 567–584.

Kuryshova, I.V. (2007). Pravovoe regulirovanie rybnogo promysla v Baykal'skom regione vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Legal Regulation of Fishing in the Baikal Region in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 8, No. 3, pp. 134–148.

Mihaylov, V.A. (2000). *Zemledelie zapadnykh buryat v XVII – nachale XX vv.* [Agriculture of the Western Buryats in the 17th – Early 20th Centuries], Cand. hist. sci. diss. Ulan-Ude. 195 p.

Okladnikov, A.P. (Ed.). (1966). *S.P. Krasheninnikov v Sibiri. Neopublikovannyye materialy.* [S.P. Krasheninnikov in Siberia. Unpublished Materials]. Leningrad, Nauka. 239 p.

Okladnikov, A.P. (Ed.). (1982). *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu feodalizma* [Peasantry of Siberia in the Era of Feudalism]. Novosibirsk, Nauka. 504 p.

Okladnikov, A.P., Shunkov, V.I. (Eds.). (1968). *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The History of Siberia from Ancient Times to the Present Day]. Leningrad, Nauka. 538 p.

Serebrennikov, I.I. (Ed.). (1911). *Irkutskaya letopis'* [The Irkutsk Chronicle]. Irkutsk. 423 p.

Shakherov, V.P. (1995). “Tashchat kuptsy omulevye bochki...” (Iz istorii rybopromyshlennosti na Baykale) [“Merchants are Carrying Omul Barrels...” (From the History of the Fish Industry on Lake Baikal)]. In *Byloe*. No. 11, pp. 8–9.

Shakherov, V.P. (2000). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Verkhnego Prilen'ya v XVII – pervoy polovine XIX veka* [Social and Economic Development of the Upper Lena Region in the 17th – First Half of the 19th Centuries]. Irkutsk, Ottisk. 88 p.

Shakherov, V.P. (2025). Kyatinskaya melochnaya trgovlya vtoroy poloviny XVIII – nachala XIX vv. kak faktor rasshireniya transgranichnykh trgovykh svyazey [Kyakhta Petty Trade of the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries as a Factor in the Expansion of Cross-border Trade Relations]. In *Rossiysko-kitayskie issledovaniya*. Vol. 9, No. 2, pp. 128–139.

Sherstoboev, V.N. (1949). *Ilinskaya pashnya* [Ilinsk Tillage]. Irkutsk, Irkutskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. I. 596 p.

Sherstoboev, V.N. (1957). *Ilinskaya pashnya* [Ilinsk Tillage]. Irkutsk, Irkutskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. II. 674 p.

Shunkov, V.I. (1956). *Ocherki po istorii zemledeliya Sibiri (XVII vek)* [Essays on the History of Agriculture in Siberia (17th Century)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 432 p.

Vagin, V. (1872). *Istoricheskie svedeniya o deyatelnosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri s 1819 po 1822 god* [Historical Information about Count M.M. Speransky's Activities in Siberia from 1819 to 1822]. St. Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya sobstvennoy e.i. kantselyarii. Vol. 1. 801 p.

Zandaraev, B.B. (2014). Razvitie zemleupravleniya khozyaystva u buryat v XVIII v. [Development of Land Management among the Buryats in the 18th Century]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 7, pp. 3–7.